

Сергей ЕСИН:

«ЛЕРМОНТОВА

В ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ИНСТИТУТ МЫ НЕ ПРИНЯЛИ, НО

МАРТЫНОВ СТАЛ НАШИМ СТУДЕНТОМ...»

Книжное обозрение. — 1997. — 4 нояб. — с. 12

Наверное, это самый удивительный институт из всех учебных заведений планеты: здесь учат на писателя! В Литературном институте им. Горького начался новый учебный год. Будущие писатели, поэты, критики, драматурги России ос-

ваивают профессию инженеров человеческих душ. Мы тем часом заглянули в кабинет ректора, известного российского писателя (автора таких бестселлеров, как «Имитатор» и «Затмение Марса») Сергея ЕСИНА.

— Из всех видов связи — связь поколений самая древняя, самая традиционная, самая прочная. Ты согласен с этим?

— Нелепость твоего нелепого вопроса заключается в том, что я все время думал об этом. Честно говоря, не всегда понимаю, что они говорят... Но я всегда усматриваю их возрастающую глубину, возраст. Только что, перед твоим приходом, у меня была беременная студентка, с которой следовало провести собеседование. Я обратил внимание, что, скажем, для своего возраста (ей 16 лет!) она говорит гораздо лучше, чем говорил я в 16 лет. Они и пишут значительно интереснее, чем мы когда-то. Они уже, в известной мере, интеллектуально более зрелые — не такие, как мы, когда были детьми. Вот это меня удивляет!

— По-прежнему можно услышать усмешку: мол, вот вам институт, в котором учат на писателя...

— Во-первых, это не очень корректная постановка вопроса. А почему ты так спокойно отно-

сишься к тому, что учат на артистов? Разве можно учить на артистов? Великая Комиссаржевская не училась на артистку, и Качалов нигде не учился на артиста, и Орленев нигде не учился, а получились артисты огромной силы. То же самое и с писателями. Тебя не смущает, что в консерватории учат человека, которого можно обучить игре на скрипке. В актерский вуз принимают человека, которого можно сделать артистом. Вот точно так же мы принимаем человека, из которого можно сделать писателя. Человека, из которого нельзя сделать писателя, мы не принимаем. Уверю тебя, что не каждого зайца можно научить играть на барабане, не каждую умную собаку можно выдрессировать для показа в цирке. Далеко не из каждого молодого человека можно сделать гениального писателя. Среднего писателя можно сделать из каждого пятого молодого человека, а для крупного писателя нужны тысячи, иногда —

десятки тысяч человек. Вот этим мы и занимаемся в нашем вузе. Наш студент вместо того, чтобы изобретать целый ряд приемов, узнает: «Это уже изобретено, и этим я могу воспользоваться, а этим, как уже изобретенным и много раз использованным, я пользоваться никогда не буду...»

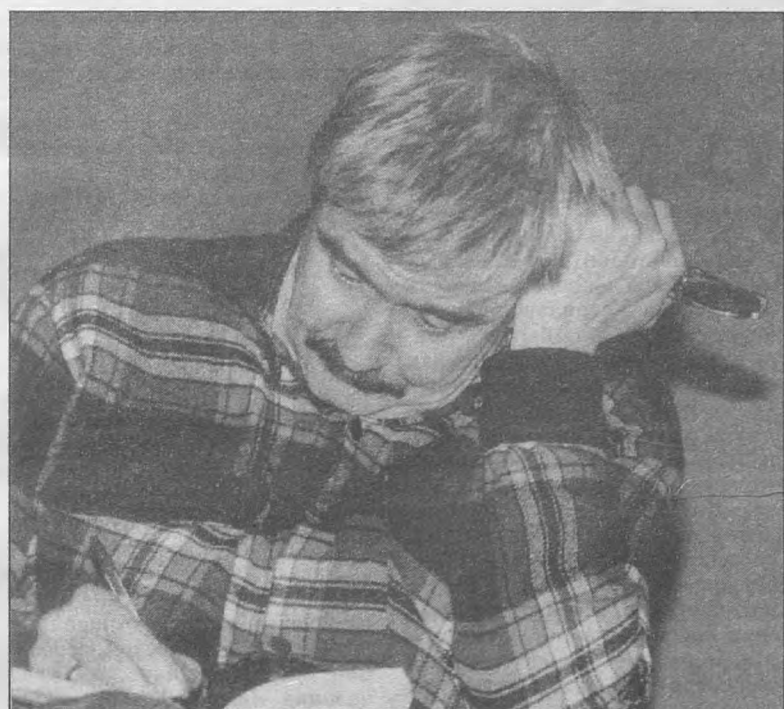
— Из тысячи может получиться один хороший писатель. А что делать остальным 999 выпускникам Литературного института?

— Почему ты так с ходу решаешь, какой будет судьба девушки, которая оканчивает музыкальную школу? Ведь она сразу может выйти замуж или уйти преподавать в музыкальное училище. А ее ученики станут гениальными музыкантами. То же самое и в Литературном институте. Если наш выпускник не превращается в крупного писателя, то из него может получиться редактор, хороший менеджер, человек, связанный с искусством... Получается культурный человек, который уезжает в свой родной город на край света и начинает там вести литературную студию. И если из этой студии появляются «наклевышки», мы знаем: это не случайно! И мы счастливы: это значит, что у мальчика была правильная ориентация и биологическая тяга. Литература — явление не интеллектуальное, это явление биологическое.

— Цыплят по осени считают. Можно посчитать ваших новехоньких «цыплят» — тех, кто получит путевку в писательскую жизнь в новом тысячелетии? Кого вы приняли в нынешнем году? Какая судьба уготована российской изящной словесности нового века?

— Пять лет назад в связи с падением общего авторитета литературы мы задумывались: а будет ли у нас качественный студент? В этом году вдруг случился какой-то обвал. У нас было 10 человек на место в поэтическом конкурсе. А это не значит, что пришло с улицы 10 человек, которые захотели стать поэтами. Это значит: пришли 10 уже готовых поэтов. Хороших или плохих. Со своими стихами, со своими страницами, на которых были напечатаны эти стихи. Соревновались пока что на уровне стихов. Мне кажется, что современная молодежь как бы более остра, более раскованна, чем предыдущая. Она мало знает того, что она должна бы знать. Здесь возникают огромные недоработки нашей школы. Не могу похвастать тем, что прочел все конкурсные работы наших абитуриентов. Но я прочитал все этюды, которые они писали на экзаменах. А этюд — это как бы творческое сочинение на одну из предложенных очень свободных тем. Должен сказать, из 60 ребят, которых мы взяли в этом году, у пятерых были явные признаки собственного стиля.

— Писательство называют сейчас одной из самых нищих

профессий. Ниже писателей только бомжи, да и те живут лучше...

— Я думаю, что эта устоявшаяся точка зрения несправедлива. Кого мы причисляем к писателям? Члена Союза писателей, или писателя-журналиста, который считает себя писателем, или настоящего писателя? Сейчас огромное количество писателей ушло в издательства, в редактуру, в большую журналистику, на радио и телевидение... Ряд писателей попытались изменить свою профессию. Не получилось.

Писатель — это бесконечная преданность профессии, бесконечное терпение. Доказательством тому тот факт, что целый ряд писателей *остались* писателями, которым просто стало труднее жить. Но к бомжам писателя я никогда не причислю. Бомж — явление скорее не социальное, а внутреннее, нравственное. Если ты не готов стать бомжем, ты им не станешь. Большинство нищих писателей, если у них нет крупных замыслов, — это люди, которые не до конца владеют своей профессией или не сумели *развернуть* эту профессию.

А потом, профессия писателя всегда была профессией нищей. Очень мало писателей в Европе, Америке, во всем мире живут за счет своего профессионального труда. Большинство из них преподают, занимаются рекламой, пишут газетные статьи. Существует понятие «университетский писатель» — писатель, работающий в университете на преподавательской работе.

— И все же в Литинститут поступают молодые ребята и девушки, заведомо знающие, что им уготовано не самое лучшее будущее — в отношении материального устройства. Они что, альтруисты, сумасшедшие, неудачники? Ведь они понимают, что до Нобелевской премии им предстоит столько дней и ночей просидеть на кухне за пишущей машинкой...

— Это лежит в основе почти любой профессии — сначала надо пахать. Это мы знаем еще по советским временам. Писатель — не массово обеспеченная профессия. Сейчас у нас самая массово обеспеченная профессия — бухгалтер. Писатель — явление не на уровне бухгалтера, а на уровне банкира. Скажем, банкир может быть очень богатым. Духовно богатым может быть и писатель. Банкир может быть разорившимся... А разорившихся бухгалтеров я не видел.

— А я не видел бедных банкиров, а бедных писателей видел. Ну ладно, закроем метафору... Сейчас в Государственной Думе мы видим людей всех профессий: от кинорежиссеров и

певцов до экономистов и просто фигляров. Почему там нет писателей, властителей наших дум?

— Во-первых, в результате склок последних лет писатели достигли слишком низкого рейтинга. С другой стороны, существует ряд писателей, чей уровень влияния на общество, уровень их собственной правды опасны для того же общества. Уровень правды и честности Валентина Распутина и уровень высказываний и эмоций Евгения Евтушенко равно опасны для власти. Конечно, одного принимает одна часть общества, другого — другая, но их обоих общество боится. К тому же и на Западе писатели в основном были среди управленцев, среди министров... Кстати, тот же Чингиз Айтматов у нас был послом в Люксембурге, а бывший министр культуры Евгений Сидоров — критик...

— ...и преподаватель Литературного института. Должно быть, приятно было студентам учиться у самого министра!

— Он ведет творческие семинары и в этом году выпустил, по моему, лучшего институтского поэта — Чегоданова.

— Писателям нужно пребывать в состоянии вечной влюбленности, дабы стимулировать свое творчество. Наверное, у вас в институте круглый год — сезон любви?

— Что касается сезона любви, то он вне поля ректора. Но академические отпуска на рождение детей или трехдневные отпуска на свадьбу — явление у нас довольно частое. Я считаю, если в институте рождается очередной ребенок, это очень крупная творческая удача!

— Влюбляются ли студентки в своего ректора?

— Да это ректору просто по должности положено. Не знаю, влюбляются или не влюбляются, но достаточно часто я вдруг начал встречать те или иные аллюзии, связанные с ректором, в их литературном творчестве. Мне встретился один рассказ, где ректор был выведен в виде прекрасного доброго и мудрого старого клоуна.

— Естественно, ректор тут же дал автору повышенную стипендию?

— С автором рассказа я разговариваю индивидуально... А вообще, хочу сказать: я не уверен, что в этом году мы приняли Лермонтова, но Мартынова мы приняли наверняка. Зовут нового Мартынова — Дмитрий.

— Что ж, уже хорошо: человек имеет шанс войти в историю литературы протоптанным путем.

— Не дай Бог!

Беседовал
Александр ЩУПЛОВ.